

АНАСТАСИЯ ЕГОРОВА

Милосердие

Анастасия Егорова

Милосердие

<https://litres.ru/73934246>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга исследует милосердие как междисциплинарный феномен: от этимологии и философских споров до психологии помогающего поведения. Анализируются религиозные основы (христианство, ислам, буддизм), исторические практики в России (сестры милосердия, сердобольные вдовы, благотворительные династии) и современные институты (НКО, паллиативная помощь, волонтерство). Адресована всем, кто интересуется нравственными основами общества и историей социального служения.

Содержание

Глава	4
Введение	5
Часть I. Природа милосердия: теория и философия	9
Глава 1. Что такое милосердие? Границы и определения	9
Глава 2. Почему мы помогаем? Психология мотивации	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Милосердие

Глава

Введение

Эта книга — о милосердии. О том, что каждый из нас узнает с первого взгляда, но с трудом определяет словами. О том, что делает человека человеком в самые темные времена и что оказывается самым хрупким, когда его пытаются измерить или регламентировать.

Современному человеку трудно. Остаться человеком и слышать свое сердце — трудно. И поступать по сердцу — непросто. Особенно когда вокруг царит культ эффективности, когда помощь требует отчётности, а сострадание рискует превратиться в «профессиональное выгорание». Мы привыкли измерять пользу в цифрах, а добро — в процентах от дохода. Но милосердие сопротивляется калькуляции. И в этом сопротивлении — его главная сила.

Что мы знаем о милосердии? В повседневной речи это слово часто ставят в один ряд с жалостью, благотворительностью, состраданием, эмпатией, а иногда и с простой вежливостью. Однако если присмотреться к этим понятиям через увеличительное стекло культурной антропологии и психологии, обнаруживается удивительный факт: эти явления находятся в разных системах координат человеческого поведения. Одно корнями уходит в глубины эмоционального интеллекта, другое — в социальные механизмы взаимопомощи. Различить их — не академическое упражнение. Это

необходимо, чтобы не корить себя за отсутствие слёз, когда мы просто переводим деньги в благотворительный фонд (это вовсе не показатель отсутствия милосердия, просто благотворительность — другой инструмент), и чтобы не подменять живое участие формальной отчётностью.

Задача этой книги — не дать единственно верное определение милосердию, это вряд ли возможно, и не предложить готовых рецептов. Задача — проложить маршрут и подготовить сердце читателя к милосердию.

Показать, как милосердие понимали в разные эпохи и в разных культурах, как оно проявляется в психологии отдельного человека и в работе социальных институтов, как его воспитывают и как его теряют.

Мы поговорим о сёстрах милосердия, выносивших раненых из-под пуль в Севастополе и на фронтах Первой мировой; о благотворительных династиях, для которых помощь ближнему была семейной традицией; о современных волонтерах, которые в пандемию доставляли лекарства одиноким старикам; о паллиативных сёстрах, ухаживающих за неизлечимо больными там, где медицина уже бессильна.

Мы также разберёмся в непростых отношениях милосердия с соседними понятиями — толерантностью и гуманизмом. Увидим, что терпимость без сострадания легко перерождается в равнодушие, а гуманизм без милосердия — в холодный технократический утилитаризм. И что подлинное милосердие, напротив, наполняет эти принципы живым, де-

ательным содержанием.

Книга построена так, чтобы читатель мог двигаться от теории к практике, от глубинных философских вопросов — к конкретным судьбам. В первой части мы разбираемся, что такое милосердие с точки зрения языка, религии, философии и психологии.

Вторая часть посвящена тому, как милосердие понимали и воплощали в разных религиозных традициях — от буддизма и иудаизма до христианства и ислама.

Третья часть — это история российского милосердия: от сердобольных вдов и сестёр Крестовоздвиженской общины до современных сестричеств и благотворительных фондов.

Наконец, четвёртая часть обращена к современности: институты милосердия сегодня, паллиативная помощь, международные практики филантропии и, наконец, разговор о милосердии как о ценностной основе общества.

Мы не скрываем, что в центре нашего внимания — российская традиция. И не потому, что милосердие в других культурах менее интересно или менее значимо. А потому, что, как писал И. А. Ильин, русская культура насквозь пронизана духом «сердечного созерцания», и в способности к состраданию многие мыслители видели главную силу и одновременно миссию русского народа. Это не повод для национальной гордости и тем более не основание для противопоставления другим народам. Это приглашение к размышлению: как нам сегодня, в эпоху глобальных вызовов, соци-

ального неравенства и усталости от новостей, сохранить и приумножить то, что веками составляло нравственный стержень нашей цивилизации?

Автор не претендует на окончательную истину.

Милосердие — как живой огонь: его можно описать, но нельзя заключить в формулу. Однако мы надеемся, что после прочтения этой книги читатель будет чуточку лучше понимать собственное сердце — и сердца тех, кто рядом. И, возможно, захочет совершить свой маленький акт милосердия. Не ради отчёта, не ради похвалы, а потому что это — единственное, что в конечном счёте имеет значение.

Часть I. Природа милосердия: теория и философия

Глава 1. Что такое милосердие? Границы и определения

Феномен милосердия принадлежит к числу тех человеческих проявлений, которые каждый узнаёт с первого взгляда, но которые почти невозможно удержать в строгих определениях. Мы безошибочно отличаем милосердный поступок от равнодушного или жестокого, чувствуем тепло, когда становимся свидетелями бескорыстной помощи, и внутренне сжимаемся при встрече с холодностью.

Однако попытка ответить на вопрос «что же такое милосердие?» неизбежно сталкивается с парадоксом и, чем точнее мы пытаемся его описать, тем более ускользающим становится предмет. В обыденной речи милосердие смешивают с жалостью, благотворительностью, состраданием, эмпатией, а иногда и с простой вежливостью.

Философы, психологи и педагоги спорят о его природе уже тысячелетия, и в этом споре нет окончательной точки. Быть может, потому, что милосердие — не столько понятие, сколько живое движение души, которое всегда немного

больше любой своей дефиниции.

Слово «милосердие» в славянских языках представляет собой кальку с латинского *misericordia*, которое образовано от *misereor* (жалеть, сострадать) и *cor* (сердце). Буквально — «сердце, которое жалеет», «болящее сердце».

В древнерусском «*милосърдѣ*» означало не столько действие, сколько состояние: сердце, смягчённое чужой болью. Эта внутренняя форма чрезвычайно важна: милосердие начинается не с поступка и даже не с решения, а с сердечного отклика, предшествующего любой рациональной оценке.

В немецком языке *Barmherzigkeit* состоит из корней *barm* (страдающий, бедный) и *Herz* (сердце) — «сердце, разделяющее страдание». И в латинском, и в славянском, и в германском вариантах акцент сделан не на действии, а на сочувствии как со-страдании.

Милосердие — это помощь, рождённая из ощущения чужой боли как своей.

Английский язык демонстрирует более сложную картину: *mercy* (прощение, пощада), *charity* (благотворительность) и *compassion* (сострадание) сосуществуют, но не сливаются.

Французский добавляет неожиданный штрих: *miséricorde* может обозначать не только сострадание, но и... вид холодного оружия — короткий кинжал, которым в Средние века добивали раненого рыцаря. Это шокирующее соседство напоминает о тёмной стороне понятия: иногда милосердие понималось как избавление от страданий через смерть.

В русском языке Владимир Даль определял милосердие как «сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро». Обратим внимание на три ключевых элемента: сердце, как эмоциональный центр, дело - практическое воплощение и готовность — потенциальность, установка.

Исторически именно религии — прежде всего христианство, но также буддизм и иудаизм — придали милосердию статус центральной добродетели.

В Ветхом Завете древнееврейское слово *hesed* (любящая доброта) описывает одновременно отношение Бога к людям и желаемую норму отношений между людьми. Однако эта норма долгое время оставалась в формате запретов: не мсти, не имей злобы, не причиняй вреда. «Ближним» считался прежде всего соплеменник, единоведец.

Христианство совершает настоящий переворот. В Нагорной проповеди Иисус прямо говорит: «Любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас». Ближним оказывается не только друг, но и враг, не только свой, но и чужой.

Милосердие перестаёт быть избирательным. Апостол Павел в Первом послании к Коринфянам даёт знаменитый гимн любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует... не ищет своего». Здесь милосердие неотделимо от любви безусловной, не требующей награды.

В православной традиции милосердие понимается как способ уподобления Богу: «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6:36). Святые отцы подчёркивали, что

милосердие начинается не с денежного пожертвования, а с «милостивого сердца» — такого устройства души, при котором человек не может пройти мимо чужой боли.

Феодосий Печерский называл милосердие «маслом в светильнике души». Однако религиозное понимание имеет и границы: милосердие без уважения к достоинству другого превращается в унижительную форму подаяния.

И может ли милосердие существовать вне религиозной веры?

Философы-просветители ответили утвердительно, но ценой отделения милосердия от его религиозного фундамента.

В европейской философии милосердие оказывается в центре напряжённых дискуссий. Античность не знала милосердия в христианском смысле. Для Аристотеля высшая добродетель — не сострадание, а справедливость. Сенека, размышляя о милости, утверждал, что она является союзником правосудия, но не его заменой: милость отпускает тех, кто не заслуживал иного наказания.

Новое время приносит две конкурирующие линии. Первая, от сентименталистов Юма и Шефтсбери, настаивает на врождённом характере сострадания.

Шопенгауэр идёт дальше: он объявляет сострадание единственной основой морали. По его мнению, сострадание — не просто эмоция, а метафизическое прозрение в единство всего живого.

Прямую противоположность представляет Иммануил

Кант. Для него моральный поступок должен совершаться из чувства долга, а не из склонности. Если я помогаю другому, потому что мне его жалко, мой поступок, с точки зрения Канта, не имеет подлинной моральной ценности — я просто удовлетворяю свою потребность в сочувствии. Истинно нравственно действие, совершённое из уважения к моральному закону, даже когда никакой жалости нет. Этот жёсткий рационализм вызвал много возражений: когда мать ухаживает за больным ребёнком, она действует по любви, а не из долга, и именно это делает её поступок милосердным.

В XX веке феноменологи Левинас, Хайдеггер вносят новое измерение: милосердие как форма встречи с Другим. Для Левинаса лицо Другого уже содержит призыв: «не убий», «ты ответствен за него».

Милосердие здесь не является свойством характера, оно выступает первичным этическим опытом, предшествующий любому моральному кодексу.

Этика заботы Карол Гиллиган предложила альтернативу традиционной этике справедливости: в центре — конкретные отношения, уязвимость, потребность, отклик.

Милосердие всегда конкретно: нельзя быть милосердным «вообще» — можно проявить милосердие к этому конкретному человеку, в этой ситуации, с его уникальной болью.

Психология подходит к милосердию иначе. Для психолога важно не то, каким милосердие должно быть, а то, как оно реально возникает, функционирует и угасает.

Эмпатия — это способность понять и почувствовать, что переживает другой. Психологи выделяют когнитивную эмпатию (я понимаю, что ты чувствуешь) и эмоциональную (я сам испытываю то же, что и ты). Эмпатия — это механизм, но не моральная добродетель.

Психопат может обладать прекрасной когнитивной эмпатией, чтобы манипулировать жертвой, не испытывая сострадания. Эмпатия — необходимое, но не достаточное условие милосердия.

Сострадание — это эмоциональный отклик на страдание другого, включающий желание облегчить это страдание. Однако исследования показывают, что сильное сострадание может вести к «эмпатическому дистрессу»: человек настолько погружается в чужую боль, что утрачивает способность помогать. Так, медицинские работники подвержены «синдрому сострадательной усталости». Истинное милосердие всегда требует баланса: достаточной чувствительности, чтобы заметить страдание, и достаточной устойчивости, чтобы не быть парализованным.

Альтруизм — это мотивация помогать другому без очевидной выгоды для себя. Долгое время считалось, что альтруизм противоречит эволюционной логике. Однако современная эволюционная психология нашла объяснения: родственный отбор (помогая родственникам, я помогаю распространять свои гены), реципрокный альтруизм (ты — мне, я — тебе), сигнальная функция (альтруист повышает статус).

Нейробиологические исследования показывают, что акт дарения активирует центры удовольствия в мозге — даже самый бескорыстный поступок приносит дающему удовлетворение. Нам приятно быть милосердными, и это, пожалуй, самый надёжный гарант того, что милосердие не исчезнет.

Милосердие всегда проявляется в конкретном обществе, с его нормами, институтами и культурными кодами.

В коллективистских культурах (Китай, Япония) стыд понимается как эмоция, восстанавливающая социальную гармонию, и потому он неразрывно связан с милосердием как заботой о «лице» другого.

В индивидуалистических культурах (США) стыд — личная неудача, и милосердие к опозоренному может восприниматься как унижение.

Важнейший процесс — институционализация милосердия. В традиционных обществах помощь нуждающимся была делом семьи, общины, церкви. В Древней Руси князья и монастыри брали на себя заботу о нищих, сиротах. Владимир Мономах в «Поучении» наставляет: «Всего же более убогих не забывайте... подавайте сироте, и вдовицу оправдайте сами». В Новое время, с развитием государства, милосердие начинает институционализироваться: появляются больницы, приюты, системы социального обеспечения. Благотворительность становится организованной, но одновременно обезличенной. Институционализация имеет плюсы, такие, как: системность, охват и минусы (потеря сердечности).

сти, бюрократизация).

В советский период слово «милосердие» фактически исчезло из официального дискурса, объявленное «поповским словом». Его место заняли «социалистическая взаимопомощь» и «интернациональный долг». Однако в годы Великой Отечественной войны милосердие проявило себя с огромной силой — в уходе за ранеными, в эвакуации детей.

Возвращение слова «милосердие» в общественный лексикон в конце 1980-х годов стало симптомом глубокой духовной потребности.

Обобщая философские, психологические и культурные подходы, можно предложить «понятийную формулу» милосердия. Милосердие представляет собой системное образование, включающее два необходимых компонента.

Первый компонент — специфическое отношение к Другому: понимающее, сопереживающее, проникающее. Это способность не просто констатировать «ему больно», но почувствовать эту боль как свою. Однако одного отношения недостаточно. Можно бесконечно сострадать, ломая руки, и не сдвинуться с места.

Второй компонент — инициативное действие, направленное на благо Другого. Это действие не по обязанности, не по принуждению и не в расчёте на взаимность. Оно инициативно и конкретно: помощь старику перейти улицу, пожертвование в фонд, уход за больным, доброе слово. Без действия милосердие остаётся сентиментальностью. Без сострадания

действие превращается в холодную благотворительность.

Эти два компонента находятся в сложном взаимодействии. Чистое действие без чувства — это филантропия, которая может быть эффективной, но лишена сердечного тепла. Чистое чувство без действия — бесплодное сострадание. Подлинное милосердие — это единство духовно-эмоционального и конкретно-практического аспектов.

Чем же милосердие отлично от чувства жалости?

Жалость — это чувство, в котором смешаны сострадание и превосходство. Жалея, я как бы говорю: «Ты слаб, ты ниже меня, мне жаль тебя». Милосердие же преодолевает это превосходство, видя в страдающем равного себе человека, попавшего в беду. Жалость может быть унижительной, милосердие — нет.

Можно ли быть милосердным к преступнику? И как милосердие сочетается со справедливостью?

Справедливость требует воздаяния по заслугам. Милосердие даёт не по заслугам, а сверх них или вопреки им. Христианская традиция считает милосердие к грешнику путём к его покаянию, а не потаканием злу. Где грань, за которой милосердие превращается в опасное всепрощенчество? Окончательного ответа нет.

В современном мире, ориентированном на результат, милосердие нередко критикуют за «неэффективность». Действительно, раздача милостыни профессиональным попрошайкам может поощрять тунеядство. Но социальная поли-

тика должна быть эффективной, а милосердие обращено к конкретному человеку здесь и сейчас. Его «эффективность» не поддаётся калькуляции. Милосердие не подчиняется логике максимальной полезности — и в этом его сила и его уязвимость.

А возможно ли милосердие к самому себе? Современная психология говорит о «самосострадании» как о важном факторе психического здоровья — способности отнестись к своим ошибкам и страданиям с той же добротой, что и к страданиям друга. Однако здесь есть опасность: милосердие к себе легко переходит в самолюбование и эгоизм.

Истинное милосердие требует баланса: достаточной заботы о себе, чтобы не выгореть, и достаточного выхода к другому, чтобы не замкнуться.

Милосердие начинается с встречи с чужим страданием. Эта встреча всегда конкретна: это страдание этого человека, а не абстрактное «страдание человечества». Далее возникает эмоциональный резонанс — то самое «сердце болит». Затем происходит оценка: могу ли я помочь? Не наврежу ли? И наконец — действие. Милосердие — всегда акт, в этом его коренное отличие от сентиментальности.

Важная характеристика милосердия — асимметричность. Я помогаю, не ожидая немедленной отплаты. Я прощаю, не требуя прощения в ответ. Эта асимметричность делает милосердие уязвимым для эксплуатации, но именно она составляет его суть. И наконец, катарсис — облегчение, очищение,

которое приходит после милосердного поступка.

Итоговое определение: милосердие — это личностная готовность, возникающая из со-чувственного переживания чужого страдания и реализующаяся в инициативном, бескорыстном (или не полностью корыстном) действии, направленном на благо Другого, причём это действие не ожидает немедленной взаимности, сохраняет уважение к достоинству принимающего помощь и приносит дающему не только удовлетворение, но и чувство очищения.

Глава 2. Почему мы помогаем?

Психология мотивации

В обыденном сознании нередко доминирует представление, что подлинное милосердие должно быть абсолютно бескорыстным, свободным от всякой примеси личной выгоды. Однако исследования показывают, что мотивационная структура помогающего поведения значительно сложнее.

Эгоистические и альтруистические мотивы редко встречаются в чистом виде; они переплетаются, и один и тот же поступок может быть одновременно продиктован эмпатией, желанием получить социальное одобрение и стремлением избежать чувства вины.

С эволюционной точки зрения помогающее поведение долгое время казалось парадоксальным, поскольку противоречит принципу выживания наиболее приспособленного. Однако археология и этология показывают: уход за больными и престарелыми был распространён уже среди неандертальцев. Дж. Гудолл зафиксировала у шимпанзе акты «беззаветного мужества» — взрослый самец погиб, спасая тонущего детёныша, а также усыновление осиротевших чужих детёнышей. Биологические предпосылки милосердия имеют глубокие эволюционные корни.

В то же время эволюционные механизмы не отменяют во-

проса о выгоде. В национальном исследовании 64% добровольцев сообщили, что волонтерство заставляет их чувствовать себя лучше, а 32% отметили, что доброта к другим приведёт к доброте к ним самим. Даже в альтруистических действиях часто присутствует эгоистический компонент — желание улучшить собственное самочувствие, повысить самооценку, заслужить одобрение.

Ключевое исследование различий между эгоистическим и бескорыстным альтруизмом провели К. Бэтсон и Л. Шоу. Эгоист помогает другому, чтобы увеличить своё собственное благополучие, тогда как альтруист помогает другим ради повышения их благосостояния. Одно эгоцентричное объяснение гласит: люди помогают, чтобы уменьшить свой собственный дискомфорт. Другое — чтобы заслужить похвалу или избежать критики.

Бэтсон и Шоу обнаружили, что люди помогают пострадавшему, даже когда знают, что их усилия будут непризнанными. Они установили распространённость бескорыстного милосердия над эгоистическим, хотя и признали, что милосердие зависит от темперамента, социализации, культуры и социального капитала.

Каковы личностные черты милосердного человека?

Исследование Т. И. Солодковой на выборке студентов выделило три группы: с высшим, средним и низшим уровнем развития характера (по типологии А. Ф. Лазурского).

Студенты с низшим уровнем продемонстрировали праг-

матические ценности: семья, здоровье, материальное обеспечение. При ответе на вопрос «Что бы вы сделали в первую очередь, если бы были волшебником?» у них преобладали ответы о личном благополучии (51%). Для них характерны гедонистическая и эгоцентрическая направленности, инфантилизм, склонность к макиавеллизму — убеждению, что другими можно и нужно манипулировать.

Студенты с высшим уровнем обнаружили высокие предпочтения нравственных ценностей: добро (55%), справедливость (52%), честность (49%), взаимопомощь (39%). Для них значимо желание блага для всех людей вообще (48%). Они отличаются социальной эмпатией, совестливостью, альтруистическими эмоциями. Корреляционный анализ выявил прямую связь между альтруистической направленностью и эмпатией, а также обратную связь между альтруизмом и гедонистической направленностью. Чем выше социальная эмпатия, тем ниже личностный эгоцентризм и макиавеллизм.

И, не последнюю роль в проявлении милосердия играет доброта, как качество личности человека.

А. Н. Бражникова и А. А. Зюзя исследовали 336 человек в возрасте 16–18 лет с помощью теста «Доброта». Результаты: 81% испытуемых имеют средний уровень доброты, характеризующийся избирательностью и ситуативностью. Добрые действия у большинства направлены на получение выгоды — облагораживание собственного образа, повышение

статуса.

Высокий уровень доброты (искреннее желание принести пользу другому без ожидания вознаграждения) показали лишь 11% обследуемых. Низкий уровень (безразличие, нетерпимость) — у 8% молодых людей. Существенных различий между юношами и девушками не обнаружено.

Проблема развития эмпатии особенно остро стоит в дошкольном возрасте. Современные программы образования акцентируют внимание на формировании креативного потенциала, оставляя за скобками нравственные ценности. В результате материальные ценности выступают у детей на первый план, а милосердие становится для них загадкой.

Для полноценного развития эмпатии необходимы три компонента: когнитивный (способность представить, что чувствует другой), эмоциональный (способность сочувствовать) и поведенческий (действия, диктуемые эмпатией).

По мнению психолога А. Валлона, ребёнок на втором году жизни вступает в «ситуацию симпатии», а в четыре-пять лет — в «ситуацию альтруизма».

Эмпатия — двусторонний процесс: родительская эмпатия служит ребёнку примером для подражания. Фундамент эмпатии основан на подражании матери и другим значимым людям.

Факторы риска, мешающие проявлению эмпатии у воспитателей: эмоциональное неприятие ребёнка, низкий уровень эмпатии, эмпатийная слепота, синдром хронической усталости.

сти, синдром эмоционального выгорания. У детей эмпатии мешают возрастной эгоцентризм, высокая тревожность, антиэмпатические установки в семье, ревность и соперничество.

Анализ эмпирических данных позволяет сделать вывод о сложности мотивационной структуры милосердия.

Высокий уровень развития милосердия, характеризующийся совестливостью, альтруистической направленностью и социальной эмпатией, достигается лишь меньшинством людей.

Для большинства доброта и милосердие носят избирательный и ситуативный характер, часто служа средством улучшения собственного благополучия. Воспитание высокоэмпатичного человека требует целенаправленной работы с раннего детства. Только при этих условиях милосердие может стать устойчивой личностной характеристикой, а не ситуативной реакцией.

Часть II. Милосердие в религиях мира

Глава 3. От Древнего мира к осевому времени

Милосердие, которое сегодня воспринимается как универсальная человеческая ценность, не было присуще человечеству изначально. Оно рождалось постепенно, в ходе длительного исторического и культурного развития — от инстинктивной взаимопомощи внутри первобытной общины до осознанной нравственной заповеди, закреплённой в священных текстах мировых религий. Помощь нуждающимся,

выражавшаяся в заботе о детях и стариках как хранителях опыта, существовала уже в первобытном обществе, однако она определялась интересами выживания общины, а не милосердием в собственном смысле слова.

Подлинное рождение милосердия как нравственного принципа произошло в так называемое «осевое время» (VIII–II века до н.э.), когда на Востоке и в Греции формировались основы мировых религий и философии, а человеческое сознание впервые сделало предметом рефлексии само себя.

В Древнем Египте и Месопотамии милосердие рассматривалось как значимая составляющая космического порядка.

Одним из древнейших свидетельств зарождения милосердия являются письменные источники Древнего Египта. В надгробных надписях встречаются слова вельможи Пиопинахта: «Я давал хлеб голодному, одевал нагого». В знаменитом «Поучении Птахотепа» содержится наставление: «Не будь алчен по отношению к родичам своим, мольбы кротких могущественнее силы». Эти тексты, датируемые III тысячелетием до н.э., свидетельствуют о существовании представлений о бескорыстной помощи нуждающимся — «вспомоществовании», как его называли древние египтяне.

Однако эта помощь была неразрывно связана с концепцией Маат — универсального принципа истины, справедливости и мирового порядка. Маат требовала от каждого человека, особенно от знатного вельможи, заботиться о слабых,

защищать вдов и сирот. После смерти, как верили египтяне, сердце умершего взвешивалось на весах правосудия, и если человек нарушал Маат, его душа погибала. Таким образом, благотворительность была не столько актом личного сострадания, сколько религиозной обязанностью, определявшей посмертную участь.

В Древней Индии идеи милосердия и сострадания пронизывали духовную культуру с древнейших времён. В гимнах «Ригведы» содержатся такие слова: «Богатства подающего не уменьшаются...

Тому, кто, имея пищу, пожалеет её для слабого, просящего подаения, кто не внемлет страждущему... не будет утешения». Древнеиндийский афоризм гласит: «Сочувствие правит миром».

Именно в индийской культуре впервые возникло учение о ненасилии — ахимса, ставшее краеугольным камнем буддизма. Однако наиболее полное развитие идея сострадания получила в буддизме, возникшем в VI–V веках до н.э. Основатель учения, Сиддхартха Гаутама (Будда), провозгласил освобождение от страданий главной целью человеческой жизни.

В традиции махаяны (Великой колесницы) сострадание (каруна) выдвигается на первый план, становясь наряду с мудростью одной из двух главных добродетелей. Идеал бодхисатвы — существа, которое, уже достигнув возможности освободиться, добровольно отказывается от нирваны ради

спасения других.

Четыре «беспредельных состояния ума» (брахмавихары) — любовь, сострадание, сорадование и равенность — стали основой буддийской практики, воспитывающей способность выходить за пределы собственного эго.

Интересна концепция Древнего Китая о конфуцианском «жэнь» — человечности.

В трудах Мэн-цзы, понятие «жэнь» было расширено: от любви к родителям человек должен идти к любви к людям вообще, а затем и ко всем существам — «к старцам и младенцам, к одиноким и бездетным, к больным и калекам».

В отличие от западной философии, конфуцианское «жэнь» рассматривалось как коренящееся в самой природе человека, в его изначальной доброте.

В Древней Греции и Риме отношение к милосердию было иным. Греческие боги не интересовались участью бедняков, и организованная благотворительность не была религиозной обязанностью. Глаголы «делать добро, благодетельствовать» никогда не имели своим объектом «бедных».

Греческое слово *philanthropia* (человеколюбие) не означало помощи неимущим — оно относилось к доброму отношению к своим соотечественникам, гостям и семье.

Принцип, сформулированный Гесиодом около 700 года до н.э., гласил: «Давай тому, кто даёт, и не давай тому, кто не даёт». Бедность часто считалась следствием моральной неполноценности.

Тем не менее, в античности существовала и иная традиция: стойки, особенно римские — Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий, — высказывались за братское отношение к рабам.

Сенека в письме «О милосердии» (*De Clementia*) выступал против бесчеловечности гладиаторских боёв и учил: «Будь милосерден с рабом, будь приветлив, допусти его к себе и собеседником, и советчиком, и сотрапезником». Однако организованной помощи бедным и больным в античном мире практически не существовало.

Совершенно иной подход мы находим в иудаизме. Ветхий Завет содержит законы, предусматривающие своего рода налогообложение в пользу бедных. Благотворительность предписывается даже в отношении личных врагов: «Если найдёшь вола врага твоего, или осла его, заблудившегося, — приведи его к нему».

В Талмуде благотворительность обозначается словом «цадка» (праведность или справедливость), и в мельчайших подробностях расписаны правила: кто обязан заниматься ею, кто имеет право пользоваться, каковы размеры помощи. Последователи иудаизма создавали специальные благотворительные кассы, столовые для бедных, общества для выкупа пленных.

Особую роль играют два ключевых понятия. Первое — хесед (חסד), «любящая доброта», деятельная, верная любовь, основанная на завете между Богом и народом. Второе — ра-иМжамим (רמימ), производное от слова «рехем» (матка).

лосердие здесь имеет качество материнской любви к плоду во чреве — безусловной, питающей, не требующей заслуг.

В иудаизме милосердие впервые получает сакральное обоснование и становится не просто желательной добродетелью, а религиозной обязанностью.

В зороастризме, древней религии иранских народов, возникшей в начале I тысячелетия до н.э., идеи милосердия также занимали важное место. Согласно учению пророка Заратуштры, мировой процесс представляет собой борьбу двух начал — добра и зла.

От человека требуется вести праведный образ жизни, который предполагает добрые мысли, добрые слова и добрые дела как орудия в борьбе со злом. Зороастрийская этика учила, что богатые являются лишь распорядителями своего имущества, данного Богом для облегчения участи бедных. Божество благотворительности — Рата — почиталась как посредница, через которую Ахура Мазда вознаграждает дающих.

В исламе идеи милосердия, терпения и помощи неимущим вошли органической частью в вероучение. Милость и милосердие рассматриваются как важнейшие качества-атрибуты самого Бога. Коран требует от мусульман проявлять милосердие по отношению ко всем слабым, беззащитным, нуждающимся — к рабам, сиротам, старикам, путникам, должникам.

Важнейшей обязанностью мусульманина является закят

— ежегодный «очистительный налог» на имущество, сборы от которого идут в фонд поддержки нуждающихся.

Замят — это не добровольное пожертвование, а строго регламентированная обязанность, одна из пяти основ (столпов) ислама. Помимо замята существует садака — добровольная милостыня, которая может быть как материальной, так и нематериальной: улыбка, доброе слово, помощь ближнему.

Пророк Мухаммад учил: «Каждый сустав человека должен совершать милостыню каждый день, когда восходит солнце: справедливо рассудить двух людей — милостыня; помочь человеку подняться на верховое животное — милостыня; доброе слово — милостыня; каждый шаг, который ты делаешь к молитве, — милостыня; и убрать вредный предмет с дороги — милостыня».

Христианство, возникшее в I веке в лоне иудаизма, принесло с собой беспрецедентное понимание милосердия. Если в иудаизме милосердие было одной из добродетелей, а в античном мире сострадание считалось слабостью, то христианство провозгласило жертвенную любовь главной сущностью Бога и, соответственно, главной добродетелью человека. Основу этих отношений составляет принцип подражания Богу: человек должен относиться к другим так, как к ним относится Бог. Поэтому объектом любви оказывается любой человек, который находится рядом, даже если он является врагом.

В Нагорной проповеди Иисус Христос прямо возражал тем, кто призывал ненавидеть своих врагов. Только те, кто любят своих врагов, могут быть названы «сынами Отца Небесного».

К началу нашей эры милосердие уже прочно входит в нравственный кодекс человечества, становясь не просто желательным качеством, а религиозной обязанностью, сакральной заповедью. И хотя конкретные формы проявления милосердия в разных культурах различались, сама идея бескорыстной помощи страждущему становится одной из универсальных ценностей, на которых зиждется человеческая цивилизация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.